

УДК 81'26

doi: 10.26907/2541-7738.2020.5.210-223

ШВЕДСКИЙ ЯЗЫК ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

И.В. Матыцина

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, 119991, Россия*

Аннотация

Статья посвящена описанию процессов, происходивших в шведском языке официально-делового общения в Новое время. Актуальность исследования определяется малоизученностью этого функционального стиля шведского языка, хотя процессы его нормирования и регулирования представляют несомненный интерес для специалистов по германским языкам. Основным методом исследования является метод синхронного анализа, позволяющий рассмотреть и описать материал с точки зрения существующей нормы. Приводится целый ряд примеров, демонстрирующих, что в Новое время язык шведских законов постепенно начинает сближаться с канцелярским языком. Сделаны выводы о том, что в изучаемый период не только стирается граница между этими стилистическими разновидностями текстов, но и обе они приобретают черты, общие для произведений шведской нехудожественной прозы (*sakprosan*). Отмечается, что в XIX в. эти процессы еще не очень заметны, и, несмотря на некоторое количество инноваций, шведский язык официально-делового общения продолжает сохранять целый ряд архаических черт, проявляющихся, в частности, в так называемой «субстантивной болезни» (*substantivsjuka*). В XX в. происходит коренной перелом, отражением которого является реформа орфографии 1906 г., а также серьезные изменения в синтаксисе, морфологии и лексическом составе языка официально-делового общения во второй половине XX в. Полученные результаты имеют важное значение для изучения стилистики шведского языка, а также для понимания сущности и роли языковой политики в процессе нормирования и кодификации литературного языка.

Ключевые слова: шведский язык, язык официально-делового общения, язык законов, канцелярский язык, язык нехудожественной прозы, языковая политика

В XIX в. продолжается процесс развития и нормализации шведского литературного языка. В первой половине века в письменной речи еще господствует идеал античного красноречия – многочленные риторические построения с обособленными причастными оборотами, сложными дополнениями и вставными придаточными, а также порядок слов, не имеющий аналогов в разговорной речи. Но в 1836 г. выходит Академическая грамматика шведского языка, а в 1879 г. Август Стриндберг (August Strindberg) издает свою «Красную комнату», положив тем самым начало сближению письменной и устной речи как в лексическом, так и в синтаксическом плане [1, s. 170, 172].

Этот процесс, однако, мало затрагивает сферу общественного управления, где широко применяется *канцелярит* – особая разновидность языка, характерными чертами которой являются абстрактность, отстраненность изложения, сложные и многоуровневые безличные структуры, избыточные придаточными и вставными конструкциями [2, s. 21].

Язык шведских законов в XIX в., несмотря на некоторое количество инноваций, сближающих его с языком нехудожественной прозы (*sakprosan*), также продолжает сохранять целый ряд архаических черт.

Вот отрывок из Акта о форме Правления 1809 г. (Regeringsform 1809, § 16):

“*Konungen bör rätt och sanning styrka och befordra, wrång vis och orätt hindra och förbjuda, ingen förderfwa eller förderfwa låta til lif, ära, personlig frihet och wälfärd, utan han lagligen förwunnen och dömd är, och ingen afhända eller afhända låta något gods, löst eller fast, utan ransakning och dom, i den ordning Sweriges Lag och laga Stadgar föreskrifwa; ingens fred i des hus störa eller störa låta; ingen ifrån ort til annan förwisa; ingens samwete twinga eller twinga låta, utan skydda hwar och en wid en fri utöfning af sin Religion, så widt han derigenom icke störer Samhällets lugn eller allmän förargelse åstadkommer. Konungen låte en hwar blifwa dömd af den domstol, hwarunder han rätteligen hörer och lyder*”. («Королю следует справедливость и правду укреплять и утверждать, а неправду и несправедливость запрещать и [им] препятствовать, не ущемлять и не покровительствовать ущемлению ничьей жизни, чести, личной свободы и благополучия прежде, нежели тот осужден и лишен свободы по закону будет; не отчуждать и не позволять отчуждать никакое имущество, движимое и недвижимое без суда и следствия в том порядке, как Закон Шведского государства и законные Уложения предписывают, неприкосновенность ничьего жилища не нарушать и не позволять нарушать, никого из одной местности в другую не переселять, свободу совести не нарушать и не способствовать [ее] нарушению, а защищать [право] каждого свободно исповедовать свою религию, ежели он этим покой общества не нарушает и общественных беспорядков не вызывает. Король велит, чтобы каждого судил тот суд, коему он подчиняется и к коему по закону относится»)¹.

Как видно из примера, личный глагол продолжает достаточно часто занимать в придаточных предложениях конечную позицию (архаическая черта, заимствованная, по мнению большинства шведских исследователей, из латыни или нижненемецкого [3, s. 160]): *så widt han derigenom icke ...allmän förargelse åstadkommer* (ежели он этим общественных беспорядков не ...вызывает). Особенно регулярно это происходит в определительных придаточных: *som af Riksens ständer fastställd warder* (*²как сословиями Государства установлено есть).

Слова, входящие в инфинитивную или причастную группу, стоят, в отличие от современного шведского языка, в препозиции по отношению к соответствующему инфинитиву или причастию: *Konungen bör rätt och sanning styrka och befordra* (Королю следует справедливость и правду укреплять и утверждать), *warder fartyget till sådant begagnadt* (будет судно для того использовано) [1, s. 72].

Бессоюзные условные придаточные предложения, которые были столь частотны в языке законов XVIII в., продолжают достаточно активно употребляться и в законах, написанных в XIX в.: *Wil Konungen börja Krig..., kalle då...* (Regeringsform 1809, § 13) ([Если] захочет король начать войну, да созовет

¹ Здесь и далее перевод наш. – И.М.

² * – здесь и далее буквальный перевод.

[он]...). Однако наряду с ними используется и другой тип – регулярные условные предложения с союзом *derest* или *der*: *Ej må Konungen fatta något beslut... derest icke Tre af Stats-Råden ...tilstades äro* (Regeringsform 1809, § 8) (Не должно Королю принимать решение, ежели трое из Государственного Совета не ...присутствуют); *Der Konungen förordnar, att...* (Strafflag) (Ежели Король повелевает, что...).

Регулярно употребляется конъюнктив, который в языке законов использовался для выражения побудительной модальности: [*Konungen*] *utvälje, kalle, låte, tage, äge*. Однако наряду с конъюнктивом встречаются конструкции с модальными глаголами *må* и *skall*: *För Rådslagen skola Stats-Rådets Ledamöter wara ansvarige* (Regeringsform 1809, § 9) (За решения должно нести ответственность Членам Государственного Совета); *De Ministriella målen må Konungen låta bereda* (Regeringsform 1809, § 11) (Правительственные решения готовятся по приказанию Короля).

Достаточно последовательно продолжают употребляться эмфатические конструкции с отрицанием в инициальной позиции, типичные еще для древне-шведских областных законов: *Ej må Konungen fatta något beslut i de mål, hwaröfver Stats-Rådet höras bör* (Regeringsform 1809 m.ä. § 9) (Не должно Королю принимать решение в тех делах, каковые Государственным Советом решаться должны); *Ej skall någon för brott ... straffas* (Не должно никого за преступление наказывать...). А также используется древняя модель предложений с начальным *Nu* ('вот'): *Nu har någon, för förment brott, annan utan laga skäl gripit* (Strafflag) (Вот один [человек] за мнимое преступление другого, без законных оснований схватил).

Под влиянием канцелярского языка в законах увеличивается количество причастных конструкций латинского образца без вспомогательного глагола: *Konungen dock förbehållet, at allena besluta* (Regeringsform 1809 m.ä. § 9) (в то время как Королю оставлено [право] единолично решать). Из канцелярита в язык законов пришли также конструкции типа: *det honom förtrodde Embete* (Regeringsform 1809, § 100) (ему доверенная должность), *de dem åliggande syslor och wärf* (Regeringsform 1809, § 47) (им предписанные занятия и поручения), в которых существительному в неопределенной форме предшествует свободностоящий определенный артикль и развернутый атрибут, обычно состоящий из причастия и зависимых от него слов. Такие конструкции использовались в шведском языке официально-делового общения почти до середины XX в. [1, s. 173]. Характерной чертой языка законов и документов являются также отглагольные существительные с суффиксами *-ande*, *-ende*: *utförande, inspärrande, fängslande* и др., глаголы *ankomma på, erfordras*, предлог *medelst*, местоимение *dess*, заменяющее собой *hans/hennes*: *ingens fred i dess hus störa* (ничей мир в его [же собственном] доме не нарушать) [1, s. 173].

Реликтовыми являются формы существительных с определенным артиклем *-ne*: *Lagarnes, Förfatningarnes, Riksdagarne* и др.; прилагательных в форме мужского рода единственного числа: *kunnige, erfarne, redlige* и др.; местоимений в форме мужского рода единственного числа: *hwilke, desse, sine*: *sine meningar*; а также полные формы глаголов с основой на *-r*: *förer, störer* (совр. *för, stör*).

В лексике также сохраняются отдельные архаические вкрапления: глагол *warda* ('становиться'), союзы *enär* ('ибо'), *der* ('ежели'), *ändå att* ('хотя (бы)'),

ehvad ...eller (совр. *vare sig ...eller*), указательное местоимение *tu* ('это' из *þu*, дат. п. от *þæt*): *efter tu i þṣ sägs...* (в соответствии с тем, что написано в §6...) [1, s. 174].

Зато в орфографии отмечается целый ряд инноваций, задачей которых была стандартизация написания в соответствии с фонеморфологическим принципом; в частности, в шестом издании Шведского академического словаря (SAOL) закрепляется написание *ä* вместо *e* в таких словах, как *här, järn* и некоторых других, считается допустимым написание *kv* наряду с *qv* в словах *kvart, kvinna*, и сочетание *th* становится *t*, как в слове *Göteborg* (эти изменения принято считать первой орфографической реформой).

Вторая реформа орфографии происходит в 1906 г., когда король подписывает циркуляр, в котором приказывает заменять «*d* на *t* или *tt* в соответствии с требованиями упомянутого словаря, касающимися удвоенного написания согласного *tt*; а также отказаться от обозначения звука [v] при помощи букв *f, fv* и *hv* с сохранением конечного -v основы перед согласными *t* и *s*, за исключением слова *haft*» («*d för t-ljud ändras till t eller enligt de i nämnda ordlista tillämpade reglerna för konsonantteckens dubbelskrifning tt; att f, fv och hv för v-ljud ändras till v med bibehållande af grundformens v i böjningsformer framför t och s utom i ordet haft*»). Для самого короля и его канцелярии эти правила начинают действовать с 1912 г. [1, s. 186–187].

Изменения происходили и в лексике, что было вызвано общей тенденцией к языковой экономии, а также постепенным процессом демократизации шведского общества.

Рассмотрим для примера выдержку из письма Якоба Хенрика Мёрка, настоятеля храма в Бру и Лоссе, адресованного Его Величеству королю Швеции. Написанное в 1757 г., письмо было опубликовано в литературоведческом журнале "Samlingen" за 1888 г. и содержало, в соответствии с требованиями тогдашнего этикета, определенные формулы обращения:

"Stormäktigste Allernådigste Konung, et ömt och förtryckt hierta kan ei utan största blödighet inför Eders Kongl. Majestäts höga tron yttra sina tankar och bekymmer. Bönfäller fördenskull i diupaste underdånighet..." («Всемогущий Всемилолюбивейший Государь, узвзвленное и израненное сердце кровоточит, изливая перед высоким троном Вашего Королевского Величества свои мысли и горести. Смиренно молю о...»).

Заканчивалось письмо столь же ритуальной формулой:

"Med diupaste undersåtelig wördnad och oaflåtelig trohets nit framhärdar Stormäktigaste Allernådigste Konung Eders Kongl. Majestäts Underdånigaste och tropligtigaste undersåtare Jacob Henr. Mörk, Kyrkoherde i Bro och Lossa"
 («Сим свидетельствую мое низжайшее почтение и верноподданические чувства С неизменным усердием и верностию Вашего Королевского Величества Смиренный и покорный слуга Якоб Хенр. Мёрк») (Samlingen)

В 1882 г. король Оскар II упразднил сложную форму титулования и подписи при обращении к королю. Отныне обращение выглядело следующим образом: *Till konungen* (Королю), подпись – *Underdånigst* (*верноподданейшие, ср. нем. *allernådigst, untertånigst*) [1, s. 206].

В наши дни шведская королевская канцелярия рекомендует при обращении к королю писать в заголовке *Till kungen* и обращаться к нему *Ers* или (более формально) *Eders Majestät* (*Ваши величество*); завершать письмо рекомендуется обычной вежливой фразой *Med vänlig hälsning* (*С наилучшими пожеланиями*). Среди клишированных форм, которые до сих пор актуальны, можно назвать оборот *Vi (namn) göra veterligt...* (*Мы (имя короля) объявляем...*) с множественным числом величия, который зарезервирован для особых случаев, таких, например, как королевская присяга (*kungaförsäkran*), а вот обращение *Vår Allernådigste Konung* (**Наш Всемилостивейший Король*) вышло из употребления.

Официальный титул шведского короля тоже изменился. Монархи Пфальц-Цвейбрюкенской династии (1654–1720) называли себя *Storfurste till Finland, Hertig uti Skåne, Estland, Livland, Karelen, Bremen, Verden, Stettin, Pommern, Kassuben och Venden, Furste till Rügen, Herre över Ingermanland och Wismar, så och Pfalzgreve vid Rhen, i Bayern, samt till Jülich, Kleve och Berg Hertig. Greve till Spanheim, Mark och Ravensburg och Herre till Ravenstein* (Великий Князь Финляндии, Герцог Сконе, Эстляндии, Лифляндии, Карелии, Бремена, Фердена, Штеттина, Померании, Каиубии и Вендена, Князь Ругии, Правитель Ингерманландии и Висмара, Пфальцграф Рейнский и Баварский, а также Герцог Юлиха и Клеве, и Берга; Шпонхайма, Марка и Равенсбурга Граф, Правитель Рафенштайна). В эпоху правления Гольштейн-Готторпов (1751–1818) титул шведского короля звучал, как *Storfurste till Finland, Arvinge till Norge, Hertig till Schleswig Holstein, Stormarn och Dithmarschen, Greve till Oldenburg och Delmenhorst, etc.etc* (Великий Князь Финляндский, Наследник Норвежский, Герцог Шлезвигский и Голитинский, Штормарнский и Дитмаршенский, Граф Ольденбургский и Дельменхорстский и пр. и пр.). А после наполеоновских войн (1814–1905), во времена унии с Норвегией, к титулу прибавился *Король Норвегии* (*Sweriges, Norriges, Göthes och Wendes Konung*). При вступлении на престол в 1973 г. король Карл XVI Густав впервые был титулован просто как *Король Швеции* (*Sveriges Konung*).

Несмотря на влияние устной формы шведского литературного языка на письменную и некоторое упрощение последней, в XX в. государственные и муниципальные отчеты, докладные записки и постановления продолжают писаться сложным и витиеватым языком.

В работе “*Några ord om den juridiska stilen*” (1949) Рудольф Бекман (Rudolf Beckman) пишет: «Для куриального стиля характерны такие обозначения времени, как *sistlidna år, nyssnämnda år, förstnämnda år, nästpåföljande år, ovannämnda år* и т. д. Перегружать текст подобными обозначениями нет нужды, обычно можно прекрасно обойтись и без них. Такие выражения, как *nämnda köpare, bemälda häst, ofta åberopade lagrum, förenämnda besvär, oftaberörda konduktris* и т. п. не украшают текст и ничего к нему не добавляют. Вместо этого можно употребить слово с определенным артиклем: *köparen, hästen* и т. д. То есть определенный артикль в шведском языке является средством, благодаря которому слово,

обозначающее некий общий класс, может быть отнесено к конкретному денотату, уже упомянутому» [4, s. 300]. В этом проявляются местоименные свойства артикля, который, как известно, по своему происхождению, является местоимением. При необходимости дейксис может быть усилен за счет указательного местоимения *denne*. Местоимению *alla* в языке документов предпочитают *samtliga*, являющееся заимствованием из немецкого. В качестве местоимения также используется прилагательное *vederbörande*: *Läraren kan då ...överlåta åt eleverna att arbeta själva och eleven kan gå fram i den takt som passar vederbörande (honom) bäst* (Учитель может предоставить ученикам возможность работать самостоятельно; каждый ученик может двигаться вперед в том темпе, который ему (вышеупомянутому [ученику]) подходит). Нейтральный причинный союз *eftersom* в языке документов не употребляется, его заменяют союзы *enär* и *emedan*. Условному союзу *om* соответствуют маркированные союзы и словосочетания *därest, såframt, försåvitt, såvitt, för den händelse att, i händelse att*; маркированным является союз *ändå att* (нейтр. *även om* – ‘даже если’) [1, s. 207–208].

Широко употребляется конъюнктив с модальным глаголом *må* в конструкциях, содержанием которых является решение о правомочности какого-либо действия: *Sjukpenning må indragas, om...* (КМР 1962) ([Выплата] больничного пособия может быть прекращена, если...). *Må* с отрицанием означает запрет: *För undervisningen i grundskolan må avgift ej uttagas* (За обучение в школе не следует взимать плату). В качестве модального нередко используется глагол *äga* с последующим инфинитивом без показателя *att*: *Elev äger kostnadsfritt anlita skolhälsovården* (КМР 1958) (Ученики имеют право на бесплатное школьное медицинское обслуживание). Из модальных глаголов достаточно частотными являются также глаголы *torde* и *lära* (*lärer*), имеющие значение некатегоричного утверждения.

Очень частотны производные предлоги и предложные словосочетания *beträffande* (*beträffande den nya planen* – что касается нового плана), *såvitt* (*såvitt jag vet* – насколько я знаю), *vidkommande* (*för myndigheternas vidkommande* – что касается органов власти), *ha avseende* (‘иметь отношение к...’), *å* (=på, *å valdagen* – в день выборов), *förmedelst* (‘посредством’), *i händelse (av)* (‘в случае’, *i händelse av förfall av ordföranden* – в случае отсутствия председателя), *jämlikt* (‘в соответствии’, *jämlikt 51§* – в соответствии с §51).

Вышеперечисленные лексические и грамматические признаки приводят к тому, что отличительной особенностью языка официально-делового общения в этот период продолжает оставаться так называемая «субстантивная болезнь» (*substantivsjuka*). Суть этого явления заключается в том, что вместо глаголов употребляются конструкции с отглагольными существительными: вместо *kosta* (‘стоить’) – *medföra utgifter* (‘повлечь за собой расходы’), вместо *tillämpas* (‘применять’) – *äga tillämpning* (‘находить применение’), вместо *ändra* (‘изменять’) – *åvägbringa ändring* (‘осуществлять изменения’), а также субстантивированные причастия с суффиксами *-ande*, *-ende*.

Эрик Велландер (Erik Wellander) приводит в качестве примера такую фразу:

“Att författningen icke heller kan främja den mellan jordbrukarna önskvärda enigheten, som aldrig lärers kunna vinnas, om eller när, såsom här skett, för den enskilde, vilken med fog kan, vid objektivt betraktande, anse sig vara föremål för en rättskränkning, rättsskyddets

tagande i anspråk försvåras i stället för att underlättas, är tydligt” [5, s. 79]. («Факт того, что конституция также не сможет обеспечить земледельцам желаемого единства, какого невозможно достичь, если или когда, как уже случалось, для субъекта, который может обоснованно, при непредвзятом рассмотрении, считать себя объектом ущемления прав, процесс оказания правовой защиты усложняется, а не упрощается, очевиден»).

В таких предложениях неизбежно употребление многочисленных знаков препинания, с помощью которых автор пытается сделать логическую структуру фразы более прозрачной для читателя.

И все же в XX в. язык законов начинает сближаться с языком извещений, уставов, инструкций, предписаний и т. п., то есть всех тех документов, которые обычно имеют в виду, говоря о канцелярском стиле. При этом не только стирается граница между двумя упомянутыми стилистическими разновидностями текстов, но и обе они приобретают черты, общие для произведений нехудожественной прозы (*sakprosan*). Наиболее архаичными в этом смысле являются разделы (*balkar*) Шведского свода законов (*Sveriges Rikes lag*), созданного на основе свода законов Шведского государства (*1734 års lag*), который, в свою очередь, восходил к древним областным законам, сохранявшим черты бытования в устной форме на тинге. В настоящее время таких разделов 11:

- о браке (*äktenskapsbalk*);
- о родителях и детях (*föräldrabalk*);
- о наследовании (*ärvdabalk*);
- о недвижимости (*byggningsbalk*);
- о торговле (*handelsbalk*);
- о преступлениях (уголовный кодекс) (*brottsbalk*);
- об исполнении судебных решений (*utsökningsbalk*);
- о судопроизводстве (*rättegångsbalk*);
- о земле (*jordabalk*);
- о природе (*miljöbalk*);
- о социальном страховании (*socialförsäkringsbalk*) [6].

В своем исследовании «О юридическом стиле» Л. де Геер (Louis De Geer) пишет: «Веский и достойный стиль законов должен характеризоваться точностью, краткостью, серьезностью, чистотой и безыскусностью» [7, s. 10-11]. Точность, в понимании Л. де Геера, предполагает однозначные формулировки. Краткость – использование словосочетаний и предложений ровно такой длины, какая необходима для правильного понимания. Серьезность исключает игру слов и двусмысленности при выборе слов и конструкций. Чистота связана с использованием исключительно шведских слов или таких заимствований, которые уже ассимилированы шведским языком. Безыскусность предполагает отсутствие стилистических изысков и образов, которые противоречат требованиям стиля законов.

Биргер Ведберг (Birger Wedberg) в работе «Стиль законов» [8] приводит пример того, как реализуются на деле перечисленные выше требования. Он цитирует параграф из закона о наследовании в двух редакциях: комиссии по подготовке текста закона и – более поздней – министерства юстиции.

В первом варианте текст выглядел так:

“*Har den, som är annans arvinge, genom brottslig gärning uppsåtligen bragt arvlåtaren om livet, vare han förlustig sin rätt till arv efter den döde.*”

“*Är brott, varom i första stycket sägs, förövat mot den, som skulle ägt taga arv efter arvlåtaren, äge gärningsmannen, där han eljest jämte den dräpte eller efter honom ägt rätt till arv efter arvlåtaren, ej annan rätt till sådant arv än honom skolat tillkomma, om den dräpte överlevat arvlåtaren*” (Lag om arv, kap.10 § 3).

(«Если тот, кто является наследником другого [лица], умышленно путем преступного деяния лишил наследодателя жизни, да будет он лишен права на наследство, [оставшееся] после убитого.

Если преступление, оговоренное в первой части, было совершено против того, кто должен был получить наследство после [смерти] наследодателя, да не будет у преступника, хотя бы он наряду с убитым или после его [смерти] имел право на получение наследства наследодателя, иного права на получение этого наследства, чем полагалось бы ему, если бы убитый пережил наследодателя»).

После редактирования этот текст стал выглядеть следующим образом:

“*Ej må någon ärva den, som han genom brottslig gärning uppsåtligen bragt om livet.*”

“*Dräper man såhunda någon, som skolat ärva, äge ej bättre rätt till arv än om den dräpte levat*” (Prop.1928:17, § 3).

(«Нельзя наследовать тому, кого путем преступного деяния умышленно лишил жизни. [Если] кто-то убьет того, кому должен наследовать, его право на наследство останется таким же, как если бы убитый остался в живых»).

Стиль конечной формулировки во многом напоминает стиль областных законов. Например, в Эстгёталаге в разделе о наследовании написано: “*at ængin ma annan sik til arfs dræpa*” (Östgötalagen) («никто не может убить другого [себе] ради наследства»).

В окончательном варианте использован тип сложноподчиненного предложения с бессоюзным условным придаточным в препозиции (*Dräper man såhunda någon, som... – [Если] кто-то убьет того, кому...*), который с древних времен являлся характерным признаком языка законов. Например, в Уголовном кодексе (1962 г.) было написано: *Är brottet grovt, dömes till fängelse* (Brottsbalk 1962:700). – [Если] преступление тяжкое, [оно] карается тюрьмой. Форма *dömes* соответствует формам *straffes, vare straffet, miste livet* и прочим формам конъюнктива в Законе о наказаниях 1864 г., который предшествовал Уголовному кодексу. И форма *dömes* в этом контексте воспринимается как конъюнктив, а не как индикатив, потому что закон имеет не констатирующий, а императивный характер. В целом, однако, формы конъюнктива в тексте практически отсутствуют, хотя в разделе о судопроизводстве от 1942 г., который юристы считают образцом формулировок, конъюнктив употреблялся еще достаточно широко, и не только в условных предложениях: *I häradsrätt säge ordföranden först sin mening och inhämta därefter nämndes* (SOU 1956:28). – В уездном суде пусть произнесет председатель сначала свое мнение, а потом выясняет мнения заседателей.

Судя по имеющимся примерам, перелом произошел в 60-е годы XX в. Так, Подготовительная комиссия предложила следующие формулировки Закона (1960): *Säljaren äge häva, vare köpet ogiltigt, säljaren stånde faran*, а вариант, одобренный министерством тремя годами позже (1963), гласил: *äger häva, är köpet ogiltigt, säljaren står faran* (формы конъюнктива были заменены на простое настоящее время). Фразы типа *Om skadan är av ringa betydelse må dock köpet ej*

hävas, med mindre säljaren förfarit svikligen (Если нанесенный ущерб невелик, сделку следует отменять, только если продавец действовал бесчестно) были переформулированы таким образом: *Om skadan är av ringa betydelse, får köpet hävas endast om säljare förfarit svikligt* (SOU 1987:30, s. 20) (...не следует отменять сделку, если только продавец не действовал бесчестно).

Формы множественного числа глаголов последовательно вытеснялись единственным числом, краткие формы глаголов *ge* (наст. вр. *ger*), *dra* (наст. вр. *drar*), *ta* (наст. вр. *tar*), *bli* (наст. вр. *blir*), *ha* (наст. вр. *har*) заменяли полные формы *giva* (наст. вр. *giver*), *draga* (наст. вр. *drager*), *taga* (наст. вр. *tager*), *bliva* (наст. вр. *bliver*), *hava* (наст. вр. *haver*), из текста исключались слова, воспринимавшиеся архаично (например, замена союза *med mindre* на союз *endast om*). Особое внимание уделялось необходимости облегчения структуры фразы. Все это делалось для того, чтобы, как было написано в докладной записке канцелярии главе правительства (Statsrådsberedningens PM, 25.1.1967), сделать законы «доступными не только для юристов» (“*lättare tillgänglig för andra än jurister*”) (цит. по: [1, s. 201–204]).

Постепенно происходит взаимовлияние устной нормы литературного языка и языка научных и канцелярских текстов, в результате чего эти стили видоизменяются: разговорный язык становится более книжным, а язык законов, науки и управления – более свободным. При этом наибольшие изменения происходят не в орфографии, а в синтаксисе, морфологии и лексическом составе языка.

Так, краткие пассивные формы *används, bestäms, bryts, döms, finns, görs, krävs, sägs* и т. п. все больше стали вытеснять старые *bestämmas, brytes, dömes* и т. д.

Вопрос об отмене согласования личной формы глагола с субъектом в форме множественного числа был поставлен на повестку дня в первое десятилетие XX в. молодыми политически и культурно ангажированными писателями, которые считали, что в основе письменной речи должна лежать устная норма литературного языка. В 1945 г. телеграфное агентство ТТ (*Tidningarnas Telegrambyrå*) приняло решение использовать множественное число предиката только в сугубо официальных материалах. А с 1952 г. на заседании риксдага было оглашено решение общей комиссии, согласно которому и в парламентских документах следовало употреблять только глаголы в форме единственного числа. Исключение делалось для законов, конституции и документов заседаний правительства. На них это правило распространилось лишь в 1967 г. Для сравнения: в Норвегии переход к форме единственного числа в административном языке начался в конце XIX в. и завершился уже в 1891–1892 гг., в Дании в 1900 г. решение было принято на уровне образовательных учреждений и распространено на язык документации в 1912 г.

В лексике шведского языка официально-делового общения тоже произошли изменения: отрицание *inte*, наречия *också* (‘тоже, также’) и *bara* (‘только’) начали вытеснять соответственно *ej, icke* (‘не’); *ock, även* (‘тоже, также’); *blott, endast* (‘лишь’), которые теперь стали считаться принадлежностью высокого стиля.

Сходные процессы отмечались для слов *hur* (ранее – *huru*, ‘как, каким образом’), *den* (ранее – *densamme*, ‘он, этот же, он же’), *flera* (ранее – *flere*, ‘многие, несколько’), *fastän* (ранее – *ehuru*, ‘хотя’), *eftersom* (ранее – *emedan, enär*, ‘так как, ибо’) [1, s. 192–193].

Синтаксис письменного языка официально-делового общения в это время также демонстрирует тенденцию к упрощению. Прежний обстоятельный стиль изложения уступает место новому, более лаконичному и динамичному. Столь обычные раньше длинные периоды, многочисленные придаточные первой, второй и третьей степени, свернутые предикации и обособленные обороты встречаются в законодательных и канцелярских документах этого времени гораздо реже, чем в тех, что были созданы до 1906 г., когда королевским циркуляром было определено «всем административным учреждениям в стране использовать в своих формулировках понятные, короткие предложения, избегать сложных конструкций и ненужных повторов, в общем и целом, стремиться излагать мысли ясно и четко» (“*samtliga förvaltande ämbetsmyndigheter i riket att avfatta sina skrifter i klara, korta meningar och således undvika invecklade satsbyggnader och onödiga upprepningar samt att i öfrigt söka tillägna sig ett klart och enkelt skriftsätt*”) [1, s. 205]. Длинные заимствованные из латыни периоды выходят из употребления, структура предложения становится более простой и легко обозримой, сокращается количество придаточных, а также слов в предложении. Распространенные определения, стоящие между артиклем и существительным, заменяются постпозитивными определениями: *ett år 1855 tryckt betänkande, utarbetat af en af dåvarande öfverståhållaren tillsatt kommitté* (*в году 1855 опубликованное заключение, разработанное тогдашним губернатором назначенным комитетом) – *ett betänkande från 1855 av en kommitté som dåvarande öfverståhållaren hade tillsatt* [1, s. 194] (*заключение от 1855 года, [разработанное] комитетом, который тогдашний губернатор назначил).

Еще один пример с генитивным оборотом: *Och bredvid detta ekonomiska förödelseprogram skall man kanske erbjuda ett annat af lika farlig beskaffenhet: ett försök att ytterligare inskränka svenska folkets under hårda strider förvärvade yttrandefrihet, sådan den är tryggad genom nu gällande tryckfrihetsförordning (И наряду с этой экономически провальной программой, видимо, предложат другую столь же опасную меру: попытаются еще больше ограничить шведским народом в тяжелых битвах завоеванную свободу слова, которая гарантирована законом о свободе слова). – [...] inskränka den yttrandefrihet som svenska folket förvärvat under långa strider* [1, s. 194] ([...] ограничить свободу слова, которую шведский народ завоевал в тяжелых битвах). Как видно из примера, при редактировании формулировки генитивное сочетание *svenska folkets yttrandefrihet* (*шведского народа свободу слова), в которое встроен причастный оборот *under hårda strider förvärvade* (в тяжелых битвах завоеванную) заменили на определительное придаточное предложение *som svenska folket förvärvat under långa strider* (которую шведский народ завоевал в тяжелых битвах), относящееся к опорному слову *yttrandefrihet* (свобода слова). Структура предложения формально усложнилась за счет появления еще одного придаточного, но на деле оно стало проще и понятнее, так как, в отличие от причастий, придаточные относительные часто употребляются в разговорной речи.

Относительные придаточные предложения, вводимые местоимением *vilken* с препозитивным предлогом *med* типа *De svårigheter, med vilka företaget i dag kämpar* (Трудности, с которыми предприятие сегодня борется), характерные для книжного стиля, последовательно заменяются на относительные придаточные

с союзом *som*: *som företaget kämpar med*, предлог переносится в конец фразы и образует с союзом рамочную конструкцию. Наречия *varav* ('отчего'), *vari* ('в чем'), *varigenom* ('из-за чего'), *varmed* ('посредством чего'), *varur* ('из чего') также уступают место придаточным относительным с союзом *som* и предложениями *av*, *i*, *genom*, *med*, *ur*, стоящими в конце предложения [1, s. 194].

Однако документы, и особенно законы, по необходимости содержат многочисленные повторы и вводные конструкции, поскольку они по своей природе должны подразумевать максимально возможное количество ситуаций:

“Lagakraftvunnen dom, administrativ myndighets beslut eller skriftlig förbindelse, varigenom i Danmark, Finland, Island eller Norge någon förpliktas eller utfäst sig att utgiva underhållsbidrag till make, förutvarande make, barn i äktenskap, styvbarn, adoptivbarn, barn utom äktenskap eller moder till sådant barn och vara verkställighet kan vinnas i den stat, där domen eller beslutet meddelades eller förbindelsen ingicks, skall på begäran omedelbart verkställas här i riket efter vad nedan sags” («Вступившее в силу решение суда, решение административного органа или письменное обязательство, в соответствии с которым в Дании, Финляндии, Исландии или Норвегии некто обязан или берет на себя обязательство выплачивать пособие супруге/-у, бывшей/-му супруге/-у, ребенку, рожденному в браке, пасынку/падчерице, приемному ребенку, ребенку, рожденному вне брака или матери этого ребенка, и реализация которого может быть достигнута в том государстве, где решение суда было провозглашено, решение или обязательство принято, должно быть по требованию незамедлительно реализовано здесь в этой стране в соответствии тем, что указано ниже») [1, s. 205].

Как видно из анализа материала, формирование шведского языка официально-делового общения проходило под сильным влиянием куриальной латыни, однако процесс этот был неоднозначным и противоречивым. В классический период (ок. 1225–1375) когда древнешведский язык еще сохранял исконную структуру и лексику, практически все жанры официально-делового языка (кроме дипломов) имели достаточно высокую степень самостоятельности и свободы по отношению к латинским образцам [9]. На позднедревнешведской стадии аутентичность языка снижается, и он все больше перенимает латинскую грамматику, что проявляется прежде всего в употреблении сложных конструкций с множеством обособленных оборотов и придаточных разной степени. Эта тенденция поддерживается влиянием нижненемецкого, «значение которого в этот период столь велико, что почти ставит под угрозу существование шведского как самостоятельного скандинавского языка. Все это дает исследователям право говорить о существовании в Швеции триязычной средневековой культуры» [9, с. 26].

В XVIII в. происходит становление шведского языка официально-делового общения, предлагаются меры по стандартизации орфографии и грамматики, ученые работают над созданием литературного языка. Латинские и немецкие заимствования осваиваются языком и способствуют обогащению его словаря и развитию жанровой системы. Только пройдя стадию унификации в жестких рамках латыни и нижненемецкого языка, шведский письменный язык мог переходить к следующему этапу, который наступил в Новое и Новейшее время в связи с политикой демократизации и упрощения языка официально-делового общения и его сближением с общелитературной письменной нормой.

Несмотря на сохранение своей специфики, шведский язык официально-делового общения в наши дни сильно отличается от средневекового канцелярита. Сегодня образцом официально-деловой коммуникации считается текст, характеризующийся «спокойным, деловитым тоном изложения, объективностью и четкостью выражений, точностью, ясностью и логичностью» [9, с. 32].

Источники

- Regeringsform 1809 – Regeringsform 1809. – URL: https://sv.wikisource.org/wiki/Regeringsform_1809#%C2%A716/, свободный.
- Strafflag – Strafflag, 16.02.1864. – URL: <https://books.google.ru/books?id=c80KAAAAYAAJ&pg=PA8&dq=Der+Konungen+f%C3%B6rordnar,+att&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwjMqOv5jvjpAhVuxIsKHS7CekQ6AEIUDAE/>, свободный.
- Regeringsform 1809 m.ä. – Regeringsform 1809 med ändringar 1815, 1818, 1823, 1830, 1835, 1840-41 och 1844. – URL: https://books.google.ru/books?id=UiA3NKffZCoC&pg=PA129&lpq=PA129&dq=Regeringsform+1809+1840&source=bl&ots=yuTYS7G4dL&sig=ACfU3U3XdkTvRPJy_BZALbH_GP4ED9K2vA&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKEwiXj66xlfjpAhXMIIsKHRtGCdcQ6AEwAHoECAgQAQ/, свободный.
- SAOL – Svenska Akademiens Ordlista. 6:te uppl. 1889. – URL: <http://runeberg.org/saol/6/>, свободный.
- Samlaren – Samlaren. 9 årg. 1888. – URL: <http://runeberg.org/samlaren/1888/0146.html> свободный.
- KMP 1962 – Kungliga Maj:ts proposition nr 90 år 1962. – URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/proposition/kungl-majts-proposition-nr-90-ar-1962_EN3090b1/html/, свободный.
- KMP 1958 – Kungliga Maj:ts proposition nr 93 år 1958. – URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/proposition/kungl-majts-proposition-nr-93-ar-1958_EJ3793/htm/, свободный.
- Lag om arv – Förslag till Lag om arv. – URL: https://data.kb.se/datasets/2015/02/sou/1925/1925_43%28librisid_13483275%29.pdf/, свободный.
- Prop.1928:17 – Kugliga Maj:ts proposition nr 17. – URL: <https://lagen.nu/prop/1928:17/>, свободный.
- Östgötalagen – Östgötalagen med förklaringar. – URL: <http://runeberg.org/oglfreud/0052.html/> , свободный.
- Brottsbalk 1962:700 – Brottsbalk (1962:700). – URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/brottsbalk-1962700_sfs-1962-700/, свободный.
- SOU 1987:30 – Statens offentliga utredningar, 1987, Nr 30. – URL: <https://lagen.nu/sou/1987:30#:~:text=Betr%C3%A4ffande%20k%C3%B6parens%20befogen%2D%20heter%20n%C3%A4r,n%C3%A4r%20s%C3%A4ljaren%20har%20f%C3%B6rfarit%20svikligt/>, свободный.
- SOU 1956:28 – Statens offentliga utredningar, 1956, Nr 28 – URL: <https://lagen.nu/sou/1956:28?attachment=index.pdf&repo=soukb&dir=downloaded>, свободный.

Литература

1. *Bergman G.* Kortfattad svensk språkhistoria. – Stockholm: Prisma. – 1970. – 256 s.
2. *Wollin L.* Munklatin och riddarsvenska // Svenskan i tusen år, red. Moberg L., Westman M. – Stockholm: Norstedts Akad. Forlag, 2005. – S. 11–31.

3. *Pettersson G.* Bisatsledföljden I svenskan eller Varifrån kommer BIFF-regeln? // Arkiv för nordisk filologi. – 1988. – Bd. 103. – S. 157–180.
4. *Beckman R.* Några ord om den juridiska stilen // Tidskrift utg. av Jurid. föreningen i Finland, 1949. – Helsingfors: Juridiska föreningen i Finland, 1949. – S. 299–313.
5. *Wellander E.* Kommitte-svenska – en undersökning och ett försök till riktlinjer // SOU 1950:26. – Stockholm: Esselte AB, 1950. – 88 s.
6. Сайт Риксдага. – URL: <http://www.riksdagen.se/>, свободный.
7. *De Geer L.* Om den juridiska stilen. – Bromma: Rediviva, 1985. – 32 s.
8. *Wedberg B.* Lagstil: några citat och reflektioner. – Stockholm: Norstedt, 1928. – 51 s.
9. *Матыцина И.В.* Шведский язык делового общения в XIV – XVIII веках // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. Филология. – 2016. – № 2. – С. 25–32.

Поступила в редакцию
22.01.2020

Матыцина Ирина Витальевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры германской и кельтской филологии

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ленинские горы, д. 1, г. Москва, 119991, Россия
E-mail: imatits@gmail.com

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2020, vol. 162, no. 5, pp. 210–223

doi: 10.26907/2541-7738.2020.5.210–223

**The Swedish Language of Formal Communication
in the Modern and Contemporary Times**

I.V. Matysina

Moscow State University, Moscow, 119991 Russia
E-mail: imatits@gmail.com

Received January 22, 2020

Abstract

Processes typical of the Swedish business language during the modern era were described. The study is of high importance, because this functional style of the Swedish language has been insufficiently investigated despite the regulation and normalization processes in it are of obvious interest to specialists in the Germanic languages. The main research method is synchronic analysis enabling examination and description the material in terms of the existing norms. A wide range of examples were provided to illustrate that in the modern era the language of law gradually gets closer to the language of notifications, rules, orders, regulations, etc., i.e., to documents that are usually implied when talking about officialese (the official and business style). It was concluded that the modern period was marked by not only the distinction between these two stylistic types of text, but also by the fact that they both acquired features common to Swedish non-fiction texts (*sakprosan*). In the 19th century, these processes were not very evident and, despite some minor innovations, the Swedish business language still contained a number of archaic features revealed in the so-called “substantival sickness” (*substantivsjukan*). A fundamental change took place in the 20th century and is associated with the spelling reform of 1906, as well as significant changes in such elements of the Swedish business language as syntax, morphology, and vocabulary

that emerged mostly in the second half of the 20th century. The results obtained are of great importance for studying the Swedish stylistics, as well as for understanding the essence and roles of language policy in the process of normalizing and codifying the literary language.

Keywords: Swedish language, language of formal communication, language of law, officialese, language of non-fiction, language policy

References

1. Bergman G. *A Brief History of the Swedish Language*. Stockholm, Prisma, 1970. 256 p. (In Swedish)
2. Wollin L. The Latin language of monks and the Swedish language of knights. In: *Thousand Years of Swedish Language History*. Moberg L., Westman M. (Eds.). Stockholm, Norstedts Akad. Forlag, 2005, pp. 11–31. (In Swedish)
3. Pettersson G. Word order in Swedish subordinate clause, or where did the BIFF rule come from? *Archive for Nordic Philology*, vol. 103, 1988, pp. 157–180. (In Swedish)
4. Beckman R. A few words about the legal style. *Journal of the Finnish Society of Law*, 1949, pp. 299–313. (In Swedish)
5. Wellander E. The Swedish language of administrative documents – a research and regulation attempts. *Materials of Government Reports*. Stockholm, Esselte AB, 1950, no. 26. 88 p. (In Swedish)
6. Riksdagen's website. Available at: <http://www.riksdagen.se/>. (In Swedish)
7. De Geer L. *On the Legal Style*. Bromma, Rediviva, 1985. 32 p. (In Swedish)
8. Wedberg B. *The Style of Laws: Some Citations and Reflections*. Stockholm, Norstedt, 1928. 51 p. (In Swedish)
9. Matytsina I.V. The language of business communication in the 14th–18th centuries. *Vestnik TvGU. Seriya "Filologiya"*, 2016, no. 2, pp. 25–32. (In Russian)

Для цитирования: Матыцина И.В. Шведский язык официально-делового общения в Новое и Новейшее время // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – Т. 162, кн. 5. – С. 210–223. – doi: 10.26907/2541-7738.2020.5.210-223.

For citation: Matytsina I.V. The Swedish language of formal communication in the modern and contemporary times. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2020, vol. 162, no. 5, pp. 210–223. doi: 10.26907/2541-7738.2020.5.210-223. (In Russian)